

© 1999 г. В. ДИТРИХ

ВЛИЯНИЕ АМЕРИНДСКИХ ЯЗЫКОВ НА РОМАНСКИЕ

(ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ И СТРАНАХ КАРИБСКОГО БАССЕЙНА)

1. Типы исторических контактов. Со времени завоевания европейцами различных частей Америки возникли контакты между языками завоевателей и аборигенов, т.е. между испанским, португальским и французским, с одной стороны, и языками америндских индейцев (америндскими языками) и эскимосов – с другой стороны [de Granda G. 1994; Descola 1993; Izzo 1996; Lope Blanch 1968; 1978; Munteanu D. 1976; Şandru Olteanu 1992; Rivarola 1990; Schwauß 1986; Suárez 1988; Tovar 1963; 1986; Saint Jacques Fauquenoy 1972; Stein P. 1984; Ontañón de Lope 1979; Pottier 1983; Klein 1985; Liedke 1991; López-Morales 1992; Lüdtke 1995]. Таким образом, лишь немногие европейские языки были затронуты этим взаимодействием, и также очень ограниченное число америндских языков могло оказывать определенное влияние на европейские [характер этого возможного влияния и его масштабы мы определим ниже (см. 1.2.–1.3)]. Интересен тот факт, что языковые контакты в районах распространения английского и французского языков в Северной Америке были гораздо слабее, чем в Центральной и Южной Америке, где были распространены испанский и португальский. Это объясняется тем, что в Северной Америке не наблюдалось тесного взаимодействия между новыми поселенцами и коренными жителями, так что смешения населения на ранних этапах завоевания практически не было. В англоговорящей Америке поначалу также не проводилось миссионерской деятельности в среде индейцев.

1.2. Влияние европейских языков могло осуществляться через те америндские языки, которые имели значительное распространение и, следовательно, представляли интерес для миссионеров. Помимо особого случая, который представляют собой первые контакты при открытии Америки европейцами, имело место реальное соприкосновение с аборигенами и интерес к их языкам со стороны миссионеров и тех поселенцев, которые приспособлялись к обычаям и нравам индейцев и воспринимали их культуру (например, криоль в испанской Америке и кабокль в Бразилии). Кабокль, однако, отличается от криоль тем, что в разное время к "кабокль" относили небольшие группы индейцев, не принадлежавших ни к каким конкретным племенам, которые сосуществовали с туземцами и бразильским национальным обществом. В испанской Америке испанизированные индейцы назывались "ладинос". С точки зрения языкового контакта менее распространенные америндские языки едва ли играли какую-либо значительную роль (может быть, только в локальном масштабе), т.к. они не имели межрегионального престижа и не могли его приобрести из-за своего большого количества и культурной несовместимости между носителями этих языков и европейцами. Однако в региональном масштабе при соседстве криоль и кабокль мог происходить контакт между местным языком и негородским испанским. Однако эти языковые формы не зафиксированы в достаточном количестве. Между тем одни мелкие языки вымерли, другие произвольно вступили в контакт с европейской цивилизацией еще до того, как стали известны миссионерам. Коль скоро существовал или существует более или менее тесный контакт между каким-либо из америндских

языков и каким-либо европейским языком, этот контакт ведет, разумеется, к лексическому и (что бывает редко) к грамматическому изменению первого. Это относится, однако, к описанию какого-либо конкретного америндского языка и в данной работе мы это не рассматриваем.

1.3. Сильное влияние америндских языков на испанский, португальский и французский при современном уровне знаний истории контактов уже не нужно доказывать, когда речь идет о "habla culta" образованного слоя городского населения [Lore Blanch 1974]. "Наследство" индейских языков представлено повсеместно прежде всего в многочисленных топонимах, далее в обозначениях животных и растений, иногда в названиях перенятых у индейцев различных кушаний и напитков. Все это почти исключительно обозначения предметов; нет никаких абстрактных существительных, глаголов, крайне мало прилагательных. Это обычный процесс: так обстоит дело практически со всеми культурными адстратами, например, с заимствованиями из арабского в испанский или с англо-американизмами в испанском и португальском.

1.4. Совсем другое дело – тот частый случай, когда говорящие на одном из туземных языков переносят какие-то языковые особенности в испанский (португальский). Здесь речь идет прежде всего о миллионах индейцев и метисов, жителей Сьерры и Альтиплано Эквадора, Перу, Боливии, плоскогорья Мексики, полуострова Юкатан, Гватемалы, лесов Ориноко и бассейна Амазонки, Парагвая и области Мапуче в Чили. Для них статус официального языка страны был, естественно, не таким, как для тех жителей городов, которые говорили только на испанском (португальском). Следовательно, недостаточно говорить просто о феномене билингвизма среди индейского населения и метисов (ср. 3.1), поскольку для них эти языки не были равноценными в употреблении. Знание испанского (португальского) было в общем поверхностным. Здесь мы имеем дело с фонетической, грамматической, синтаксической и лексико-семантической интерференцией испанского и америндских языков, но совершенно не с воздействием индейского языка на местный испанский (португальский). Какого-либо значительного, действительно языкового, влияния на местный испанский (португальский) на протяжении всей истории не было, поскольку не было такого тесного контакта между туземцами и метисами-билингвами в городских центрах. Метисы и криоль (кабоэль в южной Бразилии) говорили на двух языках и еще во времена начала контакта были посредниками по передаче америндских языковых ценностей. Сначала они использовали их в исходной форме, потом адаптировали их, но в основном на фонетическом уровне.

1.5. Высказанный Р. Ленцем тезис о том, что чилийский испанский (а в особенности, его фонетика) восходит к арауканскому субстрату, неоднократно обсуждался в связи с другими американскими зонами, но нигде окончательно не подтвердился, поскольку местный испанский или португальский понимается как язык монолингвального использования, т.е. как "не-индейский". Повсюду сформировался местный язык романского происхождения, связи которого с языком европейского континента настолько слабы, что следует говорить о вариантах и субвариантах в рамках когда-то единого языка (испанского или португальского). Внешние факторы (факторы адстратного влияния) имеют некоторое значение, субстратных отношений не наблюдается из-за превосходства тех, кто, кроме испанского (португальского), не говорит ни на каком америндском языке. Иногда можно считать некоторое скрытое влияние (как на полуострове Юкатан) адстратным. Для исторической романистики представляется заманчивым найти здесь параллели с положением в Испании на исходе третьего века, т.е. примерно 500 лет спустя после испанизации полуострова. Но в отличие от ситуации в Испании в конце третьего века, распространенные америндские языки (науатль, майя, кечуа, аймара, гуарани) живы и спустя 500 лет после завоевания Америки. Если под субстратом (в строгом смысле) понимать влияние давно мертвого языка, носители которого по политическим или культурным причинам переняли язык доминирующего народа, сохранив при этом артикуляторные навыки и лексико-семантические особенности исконного языка, то такому влиянию не следует при-

писывать решающего значения. До тех пор, пока исконный язык продолжает существовать, его носители находятся в ситуации билингвизма (в большинстве случаев это диглоссия). В этом случае речь может идти о неизолированных, находящихся в *statu nascendi* субстратных отношениях. Субстратное влияние есть свидетельство окончания процесса контакта, который хотя и обуславливает вымирание автохтонного языка, но является непредсказуемым. По этой причине следует скорее вести речь об узком контакте или об интерстратном влиянии, тем более что языки племен также подвергаются влиянию официального доминирующего языка [Lope Blanch 1981; 415; de Granda 1994; Alvar 1969; 1970; 1987].

1.6. При обсуждении вопроса о влиянии индейских языков на испанский (португальский) следует различать такие понятия, как "habla rural" (деревенское наречие) и "habla culta". Последнее может быть определено как речь городского населения с более высоким уровнем образования, нежели минимальное школьное. Это явление будет изучено на основе работ [Lope Blanch 1977; 1978], касающихся некоторых главных городов Америки (Мехико, Богота, Каракас, Сантьяго (Чили)). Ограниченное число индегенизмов, которые появились в "habla culta" имеют, бесспорно, большую значимость при оценке америндского влияния на американский испанский (бразильский португальский), нежели многочисленные, но гораздо более ограниченные в региональном отношении индегенизмы "habla rural", которые были усвоены при более тесном контакте криоль и метисов с индейским населением или как минимум с индейскими традициями. Традиционные словари заимствований из языка индейцев Мексики, Сальвадора и Колумбии редко проводят это разграничение, чем зачастую и создают искаженную картину существования этих слов в языке страны.

2. **Французский язык в Америке.** Несмотря на то, что в "Новой Франции" с 1608 г. действовали иезуитские миссионеры, которые выучили местные алгонкинские языки (микмак, монтань, кри, Outa-ouais) и языки ирокезов (гурон) и создали для этих языков описания, влияние этих языков на французский незначительно. Иезуиты и урсунки создали в Квебеке школы, в которых совместно обучались дети французского и местного населения. Такие же школы создавались с 1608 г. в Монреале сульпицианами. Но и они не усилили готовности французов к восприятию индейских языковых элементов [Wolf 1987: 34]. Причина этого заключается в отсутствии смешения населения. Название ирокезских гуронов (Hurons, самоназвание Wyandot / Wendat), которое играет определенную роль в дискуссиях семнадцатого и восемнадцатого веков о "дикарях" и "цивилизации" (см. Voltaire "L'Ingénu"), – французского происхождения (<churon 'qui a la tête hérissée, rustre, personne grossière', hure 'tête du sanglier, du cochon').

2.1. Особенно сильно затронутыми оказываются америндские топонимы, в определенной степени эскимосские названия местностей "в областях расселения и первоначальном жизненном пространстве эскимосов" (inui) [Wolf 1987: 37] (inui – 'человек', самоназвание эскимосов). Некоторые примеры (часть из них – по данным старой орфографии) могут быть приняты и без обсуждения происхождения и первоначального значения этих названий, т.к. и то и другое часто оспаривается [Wolf 1987: 35–37]: *Canada / Kanata, Donnacona* (ирокез.), *Québec / Kebek / Kebecq* (монтан.), *Yamachiche, Shawinigan, Abitibi, Témiscaming, Témiscouata* (алгонкин.), *Outouanais* (река и ее окрестности на юго-западе провинции Квебек) и *Ottawa, Gaspé, Matapédia, Cascapédia, Causapsca, Rimouski, Kamouraska, Arthabaska* (а также *Madawaska, Upsalquitch, Tetagouche* в Новом Брунсуике) из языка микмак; кроме того: *Saguenay, Chicoutimi, Chibougamau, Mistassini, Péribonka, Métabetchouan, Tadoussac...*

Эскимосские топонимы в Grand Nord в Квебеке – это, по всей видимости, *Aupaluk* 'là où c'est rouge' ('там, где красное'), *Inukjuak* 'le grand homme' [Wolf 1987: 37], *Kuujuarapik* (ранее *Poste-de-la-Baleine*), *Povungnituk, Kangiqsujuaq* (Maricourt), *Kangisualujuak* (Порт Нуво в Квебеке).

2.2. Имена нарицательные америндского происхождения обозначают в большинстве случаев объекты флоры и фауны (см. [Wolf 1987: 36; Glossaire 1930]; *atoca* m. 'plante

des marais à baies rouges', *caribou* m. 'renne du Canada', *carcajou* m. 'espèce de blaireau d'Amérique', *maskinongé* m. 'poisson d'eau douce apparenté au brochet', *ouananiche* f. 'saumon d'eau douce que l'on trouve dans les lacs et rivières du Nord du Québec', *ouaouaron* m. 'grenouille géante de l'Amérique du Nord', *touladi* f. 'grosse truite grise', *outarde* f. 'bernache du Canada'; с индейской культурой связаны также такие обозначения предметов, как *habiche* f. 'peau non tannée, découpée en lanières servant à la fabrication des raquettes, des fonds de chaises etc. à la manière des Amérindiens', *mitasse* f. 'guêtre de drap, de cuir, de peau de chevreuil', *sagamité* f. 'bouillie de maïs et de viande'.

2.3. Далее мы рассмотрим индейские элементы во французском языке Канады. Сейчас в гораздо большей степени речь пойдет о тех явлениях, которые, будучи связанными с индейцами и их языками, позволяют проследить освоение французами североамериканского континента в XVII–XVIII вв. На территории сегодняшних США освоение французами областей Великих Озер, долин Миссисипи и Миссури в 1666–1667 гг. отражается не только в многочисленных французских топонимах, которые сохранились в англоговорящей среде и по сей день [*Detroit* (Мичиган); *La Crosse*, *Prarie-du-Chien* (Висконсин); *Des Moines* (Айова), *Terre Haute* (Индиана), *Butte* (Монтана), *Boise River* (Идахо) (из *Rivière Boisée*); *Cape Girardeau*, *St. Louis* вместе с городскими кварталами *Belleville* и *Flourissant* (Миссури); *Louisbourg* (Канзас) и т.д.]. Кроме того, многие сегодняшние обозначения (и их орфография) североамериканских индейских племен возникли при посредничестве французского языка. Достаточно вспомнить произношение некоторых названий алгонкинских групп, служащих топонимами: *Chicago* и *Michigan* ((ch) читается как [ʃ], или такое написание: *Cheyenne*, *Illinois* (обозначение *Illinwek* с дореволюционным французским написанием [oi] для [we] или *Sioux*). Последнее есть сокращение для *Nadovessioux*, одного из названий в языке чиппева (*Chippewa*) ('змея, враг') для народов, которые именуют себя *Dakota* (*Lakota*, *Nakota*). Подгруппа с самоназванием *Lakota* известна во французской традиции как *Teton* (*Tétons*), пример одного из тех дескриптивных имен, которые французы давали встретившимся им племенам (ср. также *Nez Percés*, *Gros Ventres*, *Sœur d'Alène*, *Pend d'Oreille*). *Sœur d'Alène* и *Pend d'Oreille* относятся к салишской языковой группе спокан в Идахо. Эта область была исследована Льюисом и Кларком во время поисков пути к Тихому океану (*Oregon-Trail*).

2.4. Луизиана и французские острова Карибского бассейна. На территории всей водной системы Миссисипи, где находилась французская колония Луизиана, постоянные французские поселения были столь немногочисленны и контакты французов с индейским населением столь редки, что едва ли было какое-либо значительное влияние местных языков на французский язык. В районе устья Миссисипи (сейчас – штаты Алабама, Миссисипи и Луизиана) языки индейцев *Muskogee* и *Natchez* (семьи юки) были потеснены, а впоследствии вытеснены при ввозе чернокожих рабов. Так, впрочем, и французский язык уступил место английскому и креольским языкам. Заимствованные из языка индейцев обозначения, которые произносятся по фонетическим правилам, близким к правилам французского языка (как, например, форма ландшафта в дельте Миссисипи – *bayou*), принадлежат сейчас в равной степени как французскому, так и английскому языку. Некоторые имена собственные (например названия племен *Muscogulges* и *Natchez*) приобрели литературную значимость в XIX в. во Франции благодаря романам Шатобриана "Атала" и "Рене": например, использованное Шатобрианом название Миссисипи (*Meschacebé*) цитируемое позднее Верленом и Эредиа, а также названия племен *Muscogulges* и *Natchez*. Можно также упомянуть заимствованное слово *lagniappe* 'довесок (при покупке)', перенятое из кечуа. Заимствование, вероятнее всего, проникло через колониальный испанский Карибского бассейна и побережья Флориды.

На островах Карибского бассейна французские поселения (примерно с 1635 г. на Мартинике и в Гваделупе) также никогда не были настолько сильны, чтобы возникло

новое франкоговорящее сообщество. Гаити стало французским только после Рейсвейкского мира в 1697 г. Кроме того, коренное население, о котором неизвестно практически ничего, быстро исчезло с импортом чернокожих рабов в семнадцатом веке. Практически нет достоверных исследований в отношении возможного индейского влияния, т.е. отдельных лексических заимствований из Тiано и языков Карибского бассейна в районе Санто-Доминго в креольские языки Гаити. Первые предварительные исследования были проведены А. Боллэ. До этого не было никаких словарей для креольских языков островов Карибского бассейна и Гайаны.

Займствования индейских обозначений вещей попадали из Нового света в европейский французский с 1520 г., а особенно активно – с 1550 г. через французов, путешествовавших к Антильским островам. Из французского языка, конкурируя с голландским и английским, эти слова попадали в немецкий и итальянский [например *hamac, canot, piroque, caïman, ouragan* (в 1533 г. сначала – *furacan*), *colibri, patate* (в 1525 г. *batate* 'patate douce') и т.д.].

В топонимах Гаити отражается аравакский диалектный континуум между Кубой и Санто-Доминго в элементе *Caye*, который появляется в названии *Les Cayes*, а также в названии острова *Grande Cayemite*, принадлежащего *Massif du Sud*. На другие аравакские топонимы указывают названия *Gonaïves, Petit-Goâve*, а также название острова и пролива *Gonâve*. Эти названия в испанском правописании представлены как *Guanahiba, Guaba* или *Guanaba*, ср. тж. *Guanabacoa*.

2.5. Французская Гайана. В отношении «*Département (d'outre-mer) de la Guyane*» можно в основном заметить то же самое, что и в отношении Антильских островов: там никогда не было более или менее многочисленного франкоговорящего населения, хотя эта область относилась к району распространения французских креольских языков, где основную часть населения составляли негры и мулаты. Первоначальные креольские языки так называемых бушнегеров (см. ниже) сегодня сильно перемешаны с многочисленными языками, пришедшими с Гаити. В истории французской колонизации также никогда не было значительных контактов с немногочисленными индейцами карибских галиби и вайана на р. Марони (галиби – также на побережье у Иракубо и Куру), с аравакскими паликур или с принадлежащими к семье тули вайапи на р. Ойапок и селившимися глубоко на континенте эмирлимон [*Emerillon* (в традиционной французской орфографии)], в то время как французская колония Кайенна (*Saupepe*) находилась на побережье. Французская элита говорит там на "немаркированном" стандартном французском языке.

Французская Гвиана, прежде всего район Рио де Жанейро, – территория, которая в XVI в. одной из последних на бразильском побережье подверглась французской колонизации (см. 5.1.2). В 1604 г. была заложена Кайенна, но собственно колонизация района произошла десятилетиями позже. По утрехтскому соглашению Франция должна была уступить Португалии область между Рио Ойапок (*Oïaroque*) и Амазонкой (территорию современного бразильского федеративного государства Амапа). В период с 1808 по 1817 г. колония принадлежала Нидерландам.

Принимая во внимание влияние языков индейцев, интерес может представлять креольский язык так называемых бушнегеров – потомков чернокожих рабов, бежавших в XVIII в. и живших на территории, находящейся под влиянием индейцев. Поскольку в этом отношении креольский язык Французской Гвианы мало изучен, то здесь можно говорить только о необходимости исследования.

При описании обычаев индейцев используются лексемы местных языков, характеризующие обычаи индейцев, например, *cassave* из таино 'galette de manioc' (ср. исп. *cazabel/casabe*) или *cachiri* 'bière de manioc' из карибского в Венесуэле называемое *cachiri*. Однако это второстепенные явления, которые могли встретиться в качестве экзотизмов и в европейском французском. В работах [Saint Jacques Fauquenou 1972: 134] и [Renault-Lescure 1991: 88] приводятся некоторые креольские лексемы америндского происхождения, но не указывается их точное происхождение. Это касается

прежде всего обозначений животных, растений, продуктов питания, например, *wara* "sorte de fruit"; *pipiri* 'oiseau', слово, которое Шваус [Schwauß 1970] приводит как *pipiri* 'Tyrannidus dominicensis' для Санто Доминго, которое должно быть предположительно аравакского происхождения, как и исп. *calembé* 'набедренная повязка' (в [Saint Jacques Fauquenou 1972:134] дается как *kalêbê* 'гуайанский креольский').

Среди гидронимов обнаруживаются те же аравакские типы названий рек на *-unil* *-oni*, что и в Венесуэле и Гвиане. Во французской Гвиане это название реки на границе с Суринамом – Марони, а также названия населенного пункта или соответствующей области – Инини (Inini) и Кайенна (ср. Rio Calçoene в современной Бразилии). Аравакскими или карибскими по происхождению являются такие названия рек, как Sinnamary и Cougibo, как и названия мест с соответственно звучащими морфемами: Ouanary, Matoury, Itacoubo, которые, с одной стороны, напоминают колумбийские и венесуэльские названия на *-are*, *-ure*, а с другой стороны, допускают связь с гидронимами типа Essequibo в Гвиане. Карибским может быть и элемент *og* (ср. фр. *piroque*) в гидронимах типа *Oуароск* (браз. *Oiapoque*), *Approuague*, *Tамрос*.

3. Испанский в Америке: Карибский бассейн. Областями, захваченными и колонизированными Испанией в первое время после открытия Америки, были крупные острова Карибского бассейна, в особенности Испаньола со столицей Санто Доминго (основана в 1496 г.), Пуэрто Рико, Ямайка, Куба. Населявшие их в то время индейцы говорили на языках семьи таино (принадлежность этих языков к аравакской семье сомнительна). Однако непосредственно ко времени завоевания испанцами туда проникли карибские племена с малых Антильских островов (по до сих пор принятым оценкам; для Кубы эти данные поставлены под сомнение [Valdés Bernal 1994: 30]). Они убивали мужчин и вступали в связи с аравакскими женщинами, так что женский вариант карибского сохранился и был перенят карибами. Несмотря на все это испанцы называли данные племена карибами (*caribe*, *caribí*, *galibí*). Эти племена быстро вымерли в основном от занесенных болезней и непривычных жизненных условий, и уже с 1501 г. (особенно с 1542 г.) их заменили рабы из Африки. Следствием такого смешения с говорящими на аравакском языке карибами было появление на Малых Антильских островах так называемых "caribes negros" (также "karifes"), тех, которых позднее англичане привезли на побережье Гондураса, Никарагуа и Белиза, где они живут и сейчас (см. [Tovar 1984: 121–122, 138]).

В первые годы открытия Америки существовало два типа контактов между языками и культурами. Удивительно, что большое число испанцев и других европейцев частично добровольно, частично поневоле перешли к образу жизни индейцев, переняли их обычаи и обряды (обычай раскраски, татуировки и т.д.) и их язык. Это были, с одной стороны, дезертиры, беглые заключенные, а с другой стороны, потерпевшие кораблекрушение, которые ко времени появления более поздних путешественников обнаруживались не только в Карибском бассейне, но и на бразильском побережье и в районе Рио-де-ла-Плата [Rosenblat 1964: 191–193]. Когда эти люди снова возвращались в районы, где жили белые (что происходило далеко не во всех случаях), они естественным образом становились посредниками между языками и культурами. Наиболее устойчивое взаимодействие наблюдалось в различных сферах трудовой деятельности (горном деле, сельском хозяйстве, домашнем хозяйстве), миссионерстве и прежде всего в межэтнических контактах [Rosenblat 1964: 193; Cassano 1972–1977; 1982; Dietrich 1984; 1990; 1993; 1995; 1998; Fontanella de Weinberg 1992; Greenberg 1987; Fabre A. 1994]. Индейские женщины не только служили первыми переводчиками, но и становились женами и сожительницами европейцев.

3.1. Первые контакты с таино. После первых "молчаливых" контактов, происходивших при помощи жестов (что вызывало многочисленные недоразумения с обеих сторон) испанцам пришлось общаться с индейцами через переводчика [Martinell Gifre 1988]. Во время этого первого, карибского этапа открытия и завоевания испанской Америки (1492–1519) особенно много слов заимствовалось из аравакского таино. Эти

слова через сообщения завоевателей стали известными в Европе и употребляются по сей день. Понятно, что они называют объекты местной флоры и фауны, явления природы и устройства, которые не были известны испанцам. Эти ранние индигенизмы подкрепляются примерами уже в первых сообщениях завоевателей и их спутников о поездке, частично уже в дневниках самого Колумба (*canoa* для *almadía*, *cacique* для *reyezuelo*, *maiz* для *panizo*, см. [Rosenblat 1964: 189]). Еще в раннее время были подтверждены примерами, а позднее отчасти забыты, например, такие социальные функции, как *naboría* 'индейский слуга, которому получено выполнение работ по дому; слуга' (в Санто Доминго, например, еще употребляется), *nitaño* или *guatiao* [Ludtke 1994: 33–35]. Бернал Диас дель Кастильо, описывающий завоевание Мексики (1519–1521), употребляет уже около 30 заимствований из языков Антильских островов [Buesa Oliver, Enguita Utrilla 1992: 46]. В работе Онтанона де Лопе (1979) описывается конкуренция заимствований из языков Антильских островов, и заимствований из языка науатль в первое время колонизации Мексики. С дальнейшим завоеванием континента бывшие аравакские и карибские слова дошли и до других частей Америки (см. [Buesa Oliver, Enguita Utrilla 1992: 51]); в целом о распространении слов индейского происхождения и потом развившихся значений, метафор и т.п. см. [Sala, Munteanu, Neagu, Sandru-Olteanu 1977]).

3.2. Первые заимствования: аравакские и карибские слова. К словам, заимствованным из аравакского таино и сразу распространившимся в испанском языке метрополии, а через завоевателей во всей испанской Америке, относятся *canoa* 'лодка, выдолбленная из цельного дерева, каноэ'; *cacique* 'вождь'; *hamaca* 'гамак'. Среди названий животных и растений это прежде всего *maiz* 'маис'; *batata* 'батат' (позднее оно контаминировалось с заимствованным из языка кечуа *papa* 'картофель' и превратилось в Испании и других странах в *patata*, англ. *potatoe*) [Buesa Oliver, Enguita Utrilla 1992: 53–66]. От араваков испанцы слышали, что карибы – это непобедимые дикари и воинственные враги. Поэтому и название племени *caribe* получило такое значение как имя нарицательное, хотя как варианты встречались не только *carib*, *cariba*, но и *canibal*, по народной этимологии контаминированное с лат. *canis*. Значение "пожиратель людей" могла получить любая форма, но с XIX в. для него закрепилась форма *canibal*, рус. *каннибал* [Buesa Oliver, Enguita Utrilla 1992: 66]. Другие карибские слова заимствовались в испанский времени начала завоевания как на Антильских островах, так и при освоении северного побережья Южной Америки: *piragua*, нем. *Piroge*, рус. *пироба*, обозначающее большую лодку, выдолбленную из цельного дерева, как и *canoa*, которое араваки, возможно, также заимствовали из карибов; *caimán*, обозначающее американского аллигатора, рус. *кайман*. *Colibri* 'колибри' в американском испанском употребляется только в литературном языке и в 1640 г. впервые засвидетельствовано как заимствование во французский из карибского французских Антильских островов, в то время как предпочтительны были испано-американские названия типа *pájaro mosca*, *zumbador*, *picaflor* и т.д. [Buesa Oliver, Enguita Utrilla 1992: 67]. Для раннего периода завоевания еще не подтверждается документально наличие в языке такого карибского заимствования, как название яда для стрел *curare*.

Из древнего куманато, одного из вымерших карибских языков венесуэльского побережья, происходят испанские слова *butaca* 'глубокое мягкое кресло', которое сейчас на островах Карибского бассейна известно скорее как *butaque/butaco* 'табуретка'; *totuma* 'тыква (плод дерева), сосуд из тыквы' < *tutum*; *loro* 'попугай' < в куманато *roro*; *báquira* 'Dicotyles labiatus соотв. *torquatus*, *pecari*', вид кабана, название которого узнали в Панаме европейские пираты и которое через франц. *pecari* (англ. *peccary*) проникло в американский испанский как *pecarí*, *pecari*, *pecári* и *paquira* (Перу).

Поскольку как аравакский таино, так и карибский куманато – мертвые языки, уверенно вывода о многочисленных заимствованиях сделать нельзя [Buesa Oliver, Enguita Utrilla 1992: 70–72]. К этому пласту относятся такие распространенные по всей

Америке слова, как *papaia* (*Carica papaia*, L) и *guayaba* 'гуава', плод *guayabo* (*Psidium guayava*, L); в Бразилии *goiaba* употребительнее, чем *guaiaba*.

3.3. **Санто Доминго, Куба, Пуэрто Рико.** Для доминиканского испанского нет новых специальных исследований, кроме, с одной стороны, словаря [Тежега 1997], который приводит примеры преимущественно из американистских словарей и не проводит четкого разграничения между устаревшими и сейчас еще употребимыми словами, и, с другой стороны, словарем [Rodríguez Demorizi 1983]. В этом словаре, кроме упомянутых индегенизмов из таино и карибского, приводятся, например, слова, заимствованные из кечуа в американский испанский уже в XVI в. (типа *ñapa*). *Caribe* использовалось и, как утверждает Родригес Деморици, используются как обозначение принадлежности (атрибутивно и предикативно) со словами со значением 'острый, крепкий' (напр., *sal caribe*) и образа поведения (например, *se puso caribe* 'colérico').

Индегенизмы кубинского испанского изучаются с точки зрения истории и с учетом их употребимости в современном языке. Этому посвящены работы [Goldammer 1984; López-Morales 1992; Valdés Bernal 1986; 1991–1993; 1994]. Несомненно, что фонетическое влияние субстрата в испанском зависит не от этих факторов, но от лексических единиц, заимствованных прежде всего из таино, науа и майя, а также из карибского. Эта последовательность соответствует процентному соотношению и показывает, что больше сохранились в основном завезенные извне науатлизмы и майизмы как рефлекс карибского индейских рабов, привезенных колонизаторами на Кубу [Valdés Bernal 1993: 92]. Присутствие заимствований из языка науатль объясняется их широким распространением в испанском уже на начальных этапах завоевания Америки. Заимствования из майя указывают на то, что на Кубе до XIX в. были рабы из Юкатана [Valdés Bernal 1993: 23].

К словам, происходящим из аравакского таино и до сих пор употребимых [Valdés Bernal 1993: 58; Perl 1980: 40], относятся, кроме названия острова *Cuba* (вероятно 'земля, полоса'), например, *carey*, означающее "черепаха", с переносным значением "различные деревья, древесина которых после полировки напоминает панцирь черепахи". Словом *carey* обозначается сейчас и местная продукция мыловаренного завода. Похожие сдвиги в значениях, переносы значения наблюдаются в названиях деревьев и кустарников, например, у слова *nigua* 'песчаная блоха', так как фрукты напоминают по форме насекомое. Слово *guano* 'пальмовое опахало' имеет переносные значения 'волос' и 'деньги'. У слова *barbacoa* исходное значение 'деревянная подставка' развивалось в двух направлениях: с одной стороны, 'верхний этаж' или 'междуэтажное перекрытие в доме', с другой стороны, 'жареное на решетке мясо'. *Batey* с исходным значением 'игра с мячом' или 'игровая площадка' сейчас употребляется в значении 'площадка перед сельским домом'. *Conuco* 'поле индейцев, возделанное под маниок', затем 'поле, предоставленное для обработки рабам', сейчас употребляется как 'мелкий участок земли для возделывания под овощи и фрукты, огород'. *Guajiro* означало, вероятно, 'nuestro compaíero', но изменилось в '(кубинский) крестьянин', а в переносном смысле в 'бестолковый человек из провинции' [Valdés Bernal 1976: 73]. Также распространенное на карибской территории *jíbaro* 'неотесанный, необщительный; дикий, одичалый (о животных)' предположительно аравакского происхождения и должно быть заимствовано у араваков из области Амазонки как *jívaro shiwar* 'внутренний противник, враг внутри племени', а затем измениться в название племени и языковой группы, живущих в экваториально-перуанской низине [Descola 1993, glossaire].

Предположительно острова назывались в аравакском *kaño* 'islote', что сохранилось в названиях *Caño Largo*, *Caño Coco* (ср. *Key West*). Современное название отеля типа "Itabo" означало в аравакском 'маленький пруд с подземным источником'. Марка грампластинок "Areito" напоминает о 'танце под музыку с пением танцоров', исчезнувшем вместе с коренными жителями.

Испанский Пуэрто Рико неоднократно становился объектом исследований. Работы Хенрикес Уреньо [Henríquez Ureña 1938; 1969; 1976] мало касались индегенизмов, брали

информацию преимущественно из древней литературы, от работ хроников и историков XVI в. до работ фольклористов XIX–XX в. Так и более новые специализированные словари [Hernández Aquino 1993; Alvarez Nazario 1977] приводят слова совершенно некритично с точки зрения их употребимости на Пуэрто Рико сейчас.

Опрос Вакero де Рамиреса [Vaqero de Ramírez 1984] с методической точки зрения убедительно показывает, однако, что многие слова из таино, глубоко укоренившиеся в остальной Латинской Америке, более не употребляются в районе Антильских островов, откуда они произошли, и, например, будут поняты только меньшей частью населения. К таким на Пуэрто Рико относится такое слово, распространившееся до самой Аргентины, как *jején* 'москит'. С другой стороны, существуют еще не замененные слова, как, например, известное в Мексике как *guaya* "фруктовое дерево *Melicocca bijuga*". Это слово – хороший пример общей ситуации исследования для большей части индегенизмов: *quepero* соответствует собственно слову *kenep* из майя, которое в наших источниках подтверждается только для Гватемалы. Заимствование должно было произойти предположительно благодаря привезенным с Юкатана на Антильские острова индейским рабам. Слово закрепилось, во-первых, только во внутренних районах, таких, как Гватемала и Пуэрто Рико (не Санто Доминго и Куба); во-вторых, исследователи до сих пор рассматривали не все исторические связи, а навязывали чаще всего заимствованные слова каждой области в отдельности (так, [Shwauss 1970] дает *quepero* для Пуэрто Рико, в то время как Buesa Oliver, Enguita Utrilla не приводит слова вообще).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Крупные семьи индейских языков

Под эскимосско-алеутской семьей в собственном смысле понимается следующее: а) семьи индейских языков Северной Америки: на-дене (атабаскские языки, Северо-западное побережье): салишская [салиш-вакашан] (северо-западное побережье); алгонкинская (Великие Озера, Квебек); сиу (Центральный Запад); ирокезская (Нью-Йорк); пенуте (Западное побережье); плато (Идахо, Вашингтон); юки-гольфшпрахен (южн. США); мексиканский пенуте: тотонака, мише-соке, майя; хока; б) "центрально-американские" языки (Гринберг): киова-таноанская (юго-запад США); ото-мангская (Центральная Мексика, Никарагуа); юто-ацтекская (от Калифорнии до Центральной Мексики и Сальвадора); тараскская; тексиглатека-жикак; дживаро (юго-западная часть Эквадора, северная часть Перу; более крупная амазонская группа, около 70000 говорящих); паноанская (западная часть Бразилии, восточная часть Перу, северная часть Боливии); карибская (северная часть Южной Америки; изначально также Малые Антильские острова); племя тупи (Французская Гвиана, Бразилия, амазонская часть Перу, восточная часть Боливии, Парагвай, северо-восточная часть Аргентины): а) тупи-гуарани, б) (сатере-) мавэ, в) авэти, г) арикем, д) юруна, е) мундуруку, ж) рамарама, з) тупари, и) монде. Племя йе(же) (Бразилия): бороро (Мато Гроссо); яномано.

Языковые группы в южной части Южной Америки

Языки чачо (Парагвай, Аргентина, Боливия): арауканский/мапуче (Чи, Неквен, Ла Пампа, Чубут/Аргентина); шиланга (Мексика, Гватемала, Сальвадор); в) индейские языки Южной Америки: Родригес классифицирует языки Южной Америки в языковые группы и языковые семьи, при этом по сравнению с европейскими языками семье соответствует языковое объединение типа группы романских языков, группе соответствует объединение типа индоевропейской или финно-угорской группы языков. Большие и более мелкие группы, которые в предыдущем абзаце мы объединяем с их семьями, приведены в соответствии с современными представлениями, которые ни в коем случае не являются бесспорно подтвержденными (см. [Fabre 1994]): чибчанская

[Chibcha-Haez] (от Гондураса до Колумбии); барбакоа (связь с чибча неясна); чоко (Пан, Сол); кечуанская (Центральная часть Перу, с четким диалектным делением к Северу (до Южной Колумбии) и Югу (от Боливии до Аргентины), 7.8 миллионов говорящих; аймара (Боливия, Перу; 2.8 миллиона говорящих); уру-пукина [озеро Титикака (Перу)]; туканоанская (западная часть бассейна Амазонки: Эквадор, Перу, Южная Колумбия, Бразилия); тикун (северо-западная часть Бразилии, Колумбия, Перу); аравакская (северная часть Южной Америки, первоначально также Большие Антильские острова).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Alvar M.* 1969 – *Variedad y unidad del español: Estudios lingüísticos desde la historia.* Madrid, 1969.
Alvar M. 1970 – *Americanismos en la 'Historia' de Bernal Díaz del Castillo // RFE. Anejo 89.* Madrid, 1970.
Alvar M. 1987 – *Léxico del mestizaje en Hispanoamerica.* Madrid, 1987.
Alvarez Nazario M. 1977 – *El influjo indígena en el español de Puerto Rico.* Rio Piedras, 1977.
Buesa O.T., Enguita Utrilla J.M. 1992 – *Léxico del español de America: Su elemento patrimonial e indígena.* Madrid, 1992.
Cassano P.V. 1982 – *Language influence theory exemplified by Quechua and Maya // Word. 33.* 1982.
Descola Ph. 1993 – *Les lances du crépuscule. Relations Jivaros, Haute-Amazone.* Paris, 1993.
Dietrich W. 1984 – *Ruiz de Montoes Bedeutung für die Erforschung des Tupí-Guaraní // Oroz Arizcuren Fr.J. (Ed.), Navicula Tubingensis. Studia in honorem Antonii Tovar.* Tübingen, 1984.
Dietrich W. 1990 – *More evidence for an internal classification of Eupí-Guarani languages.* Berlin, 1990.
Dietrich W., Geckeler H. 1995 – *Einführung in die spanische Sprachwissenschaft.* Berlin, 1993.
Dietrich W. 1998 – *Substrat, Superstrat, Adstrat, Interstrat. Zum Sprachwandel durch Sprachkontakt in der Neuen Romania // Stehl, Thomas (Hrsg.), Unsichtbare Hand und Sprecherwahl. Typologie und Prozesse des Sprachwandels in der Romania. Beiträge zum Romanistentag. Münster 1995.* Tübingen, 1998.
Enguita Utrilla J.M. 1980 – *Fernandez de Oviedo ante el léxico indígena // BFUCh. 31.* 1980.
Fabre A. 1994 – *Las lenguas indígenas sudamericanas en la actualidad. Diccionario etimológico clasificatorio y guía bibliográfica, I–II. Tampere (Finland),* 1994.
Fontanella de Weinberg M.A. 1992 – *El español de América.* Madrid, 1992.
de Granda G. 1994 – *Interferencia y convergencia lingüísticos e isogramatismo amplio en el español paraguayo // de Granda G. Español de America, español de Africa y hablas criollas hispánicas. Cambios, contactos y contextos.* Madrid, 1994.
Goldammer K. 1984 – *Studien zu den Indoamerikanismen aus dem Insel-Aruak und ihre Produktivität in der kubanischen Variante des Spanischen, Diss.* Leipzig, 1984.
Greenberg J.H. 1987 – *Language in the Americas.* Stanford, 1987.
Handelmann H. 1859 – *Geschichte von Brasilien.* Berlin, 1859.
Hernández Aquino L. 1969 – *Diccionario de voces indígenas de Puerto Rico.* Rio Piedras (Puerto Rico), 1969.
Henríquez Ureña P. 1976 – *Observaciones sobre el español en América y otros estudios filológicos.* Buenos Aires, 1976.
Henríquez Ureña P. 1938 – *Para la historia de los indigenismos.* Buenos Aires, 1938.
Izzo H.J. 1976 – *Concerning the (non-)influence of indigenous languages on the phonology of American Spanish // LACUS 3,* 1976.
Kubarth H. 1987 – *Das lateinamerikanische Spanisch. Ein Panorama.* München, 1987.
Klein H.E., Manelis L., Stark L.R. (Ed.) 1985 – *South American Indian languages. Retrospect and prospect.* Austin, 1985.
Liedtke S. 1991 – *Indianersprachen. Sprachvergleich und Klassifizierung.* Hamburg, 1991.
López-Vorales H. 1971 – *Estudios sobre el español de Cuba.* New York, 1971.
López-Morales H. 1992 – *El español del Caribe.* Madrid, 1992.
Lüdtke J. 1994 – *Notas léxicas sobre la transculturación de los taínos (la encomienda y la estructura social // Lüdtke J., Perl M. (Ed.), Lengua y cultura en el Caribe hispánico.* Tübingen, 1994.
Lüdtke J. 1995 – *Zur Geschichte des spanischen Wortschatzes in Amerika // Hoinkes U. (Hrsg.), Panorama der lexikalischen Semantik. Festschrift Horst Geckeler.* Tübingen, 1995.
Lope Blanch J.M. 1968 – *El español de America.* Madrid, 1968.
Lope Blanch J.M. (Ed.) 1978 – *Léxico del habla culta de Mexico.* Mexico, 1978.
Malmberg B. 1974 – *La América hispanohablante: Unidad y diferenciación del castellano.* Madrid, 1974.
Martinell G.T. 1988 – *Aspectos lingüísticos del descubrimiento y de la conquista.* Madrid, 1988.
Munteanu D. 1976 – *Răspîndirea geografică a indigenismelor lexicale în spaniola americană // SCL. 27.* 1976.
Ontañón de Lope H. 1979 – *Observaciones sobre la genesis de algunos indigenismos americanos // Anuario de Letras. 17.* 1979.
Perl M. et al. 1980 – *Studien zur Herausbildung der kubanischen Variante der spanischen Sprache (unter besonderer Berücksichtigung der nichtspanischen Einflüsse).* Leipzig, 1980.
Pottier B. (Ed.) 1983 – *América Latina en sus lenguas indígenas.* Caracas, 1983.
Rivola J.L. 1990 – *La formación lingüística de Hispanoamerica.* Lima, 1990.